

В.П. Зиновьев

**Мифологические рассказы русского
населения Восточной Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-34
ББК 82
В11

В.П. Зиновьев
В11 Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / В.П. Зиновьев – М.: Книга по Требованию, 2023. – 402 с.

ISBN 978-5-458-42371-7

В сборник вошли былички и бывальщины, собранные в основном в 1966—1980 гг. на территории Забайкалья и Иркутской области и хранящиеся в архиве В. П. Зиновьева, который много лет целенаправленно и планомерно занимался исследованием этих рассказов, представляющих собой «интересный факт поэтического осмысления жизни». Мифологические рассказы — былички, бывальщины о домовых, водяных, русалках, ведьмах, колдунах — пережили верования и продолжают бытовать как особый, своеобразный жанр фольклора, заключающий в себе богатейший нравственно-этический, педагогический и художественный опыт народа. В публикацию включена статья В. П. Зиновьева, раскрывающая жанровые особенности быличек и бывальщин и их современные судьбы. В конце книги даны комментарии и указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин. Сборник рассчитан на фольклористов, этнографов и всех любителей русского народного творчества.

ISBN 978-5-458-42371-7

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

неживыми»⁶. Во многих публикуемых рассказах персонаж не назван. «Рассказчики довольно часто не уточняют, о каком именно действующем лице в быличке речь, но они в таких случаях или учитывают, что персонаж был назван раньше, или рассчитывают на осведомленность слушателей, которые по своеобразию действий догадываются, о ком говорится в рассказе»⁷.

В. П. Зинovieв был опытным собирателем и умел довести разговор с исполнителем в нужном направлении. На магнитной ленте зафиксирована часть диалогов собирателя с рассказчиком (см. коммент. № 123).

В эту же сюжетно-тематическую группу быличек вошли тексты, связанные со строительной магией, а также с поделками строителей дома.

Таким образом, структура сборника отражает структурный состав картотеки и соответствует публикуемому Указателю (ключевые составляет раздел «Ж. Былички и бывальщины о небесных силах»).

В. П. Зинovieв определил свой метод сбора материала по принципу повсеместной и безотборочной фиксации: «...запись в основном производилась в обстановке непринужденного исполнения по „безотборочному“ принципу, т. е. от всех из опрошенных, знающих быличку...»⁸.

Для публикации в сборнике были отобраны лишь наиболее характерные, художественно ценные тексты, хотя при этом нарушалась композиционная целостность циклов, «очень важная при изучении особенностей исполнения и структуры быличек»⁹. Былички и бывальщины публикуются без жанрового разграничения. В комментарии отмечены только бывальщины.

Тексты сверены с магнитной записью, неточности выправлены. В текстологической работе мы придерживались принципов, изложенных В. П. Зинovieвым: «Общерусские слова, не отражающие особенности местного диалекта, а измененные лишь в отношении исполнителя, передаются орфографически. Но сохранены устойчивые, характерные для диалекта отклонения от литературных норм: стяжения гласных в окончаниях полных прилагательных, форм сравнительной степени и пр. (*больши* вм. *большие*, *ста́ра* вм. *старая*, *тоши́не* вм. *тошнее*, *пяты* вм. *пятые*); выпадение согласных (*ить* вм. *ведь*, *де* вм. *где*, *тоди* вм. *тогда*, *токо* вм. *только*); долгое твердое (*настояшше*); местное *че* (вм. *что*); *ково* (вм. *что, зачем*)...»¹⁰

Отточием в угловых скобках (...) помечены пропуски в тексте, это либо слова и выражения неудобные для печати, либо слова, отражающие привычку злоупотреблять словами-паразитами. Иногда сказитель отвлекается от рассказа на другой бытовой разговор. Речь становится прерывистой, все это загроуживает восприятие повествования, поэтому здесь допускалась купюра, отмеченная также ...

⁶ Зинovieв В. П. Жанровые особенности быличек. — Иркутск, 1974, с. 46.

⁷ Там же, с. 52.

⁸ Зинovieв В. П. Быличка как жанр..., с. 20—21.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ Там же.

Комментарии написаны на основе помет на карточках. Характеристика исполнителя, анализ сюжета, дополнительные сведения и замечания извлечены из диссертации, из статей, черновиков собрателя.

Сюжеты в комментариях обозначены по степени значимости: первым указан ведущий сюжет, затем — сопутствующие.

В качестве вводной к сборнику предполагалось дать статью «Былички как жанр фольклора и ее современные судьбы» — сокращенный вариант диссертации В. П. Зиновьева. Статья вводит читателя в круг проблем, связанных с таким своеобразным жанром фольклора, каким является быличка. В ней раскрываются особенности современного бытования, исполнения, восприятия, эволюция быличек, бывальщины, их поэтическое своеобразие. К сожалению, в статье не могли быть учтены последние работы по сказочной прозе, научные достижения последних лет, поэтому мы поместили ее в Приложение.

Сибирская действительность внесла определенные коррективы в бытование произведений фольклора. Оставаясь по сути общерусским явлением культуры, сибирский фольклор несет в себе специфические черты, продиктованные социально-экономическим, экологическим, географическим своеобразием и другими условиями жизни этого региона. С публикацией данного сборника в научный оборот будет введено свыше 400 неопубликованных сибирских быличек (одни из них отражают общеславянский сюжетный фонд, другие — общерусский, третья — только сибирский), а также иллюстрированный текстовым материалом Указатель сюжетов.

В. П. Зиновьев в своей собрательской работе шел в ногу с творческими исканиями науки, он вплотную приблизился к тому, чтобы сказать свое слово в фольклористике. Об этом свидетельствует его архив, и в первую очередь картотека, систематизирующая материал по сказкам, сказочной прозе, песням. Остается надежда на учеников, которым исследователь передал свои навыки в работе, систему взглядов и, конечно, любовь к народному творчеству.

Редактор и публикаторы благодарят всех тех, кто ознакомился с рукописью и высказал свои замечания и пожелания, в первую очередь В. М. Гацака, Б. Н. Путилова, Ю. П. Смирнова, а также лаборантов сектора русского фольклора Сибири Бурятского института общественных наук З. А. Миронову и П. Г. Карасеву за техническую подготовку рукописи к изданию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Собранные в этой книге тексты относятся к области фольклорной сказочной прозы. Это означает прежде всего, что к ним следует относиться как к своеобразным явлениям художественной словесности. Хотя в научной литературе их и принято называть быличками, бывальщинами, основу всех этих рассказов составляют вымысел, небывалое, фантастика. Все дело заключается в характере, эстетической природе и специфике присущей этим рассказам необычайности. И здесь естественно напрашивается сравнение со сказками, стихией которых также является необычайное. Основное различие, по-видимому, в следующем. В сказках господствующим, всеохватывающим началом выступает особый, сказочно необыкновенный, подчеркнуто отделенный от реальности мир (со своим сказочным пространством, особенными героями, предметами, действиями и т. д.), в который обыденная действительность допускается в порядке исключения и лишь отдельными подробностями. В быличках мы оказываемся полностью в мире повседневности, обыденности, чаще всего деревенского быта, деревенской домашней жизни, здесь действуют обыкновенные, реальные люди — сами рассказчики либо их близкие и знакомые, места действия обозначены вполне определенно и приближены к слушателям — это знакомые дворы, дома, бани, кладбища, ближайшее поле, река, дорога, соединяющая деревни, и пр., «герои» рассказов заняты своими повседневными делами. И вот эта обыденность всегда в рассказах резко нарушается вмешательством необычайного, фантастического, которое оказывается тут же, рядом.

В фольклористике принято еще граньцу между сказками и быличками прокладывать по категориям неведения и веры: сказ-

ка — заведомый вымысел, который так и воспринимается слушателями и так и подается рассказчиком; в быличку «верят» и те, кто рассказывает, и те, кто слушает. Между тем в такое разграничение следует ввести существенное уточнение эстетического порядка. Дело в конечном счете не в том, «верят» или нет рассказчики тому, что они рассказывают; главное, что принцип достоверности выступает как организующее эстетическое начало; без внутренней художественной установки на действительность рассказанного, без «документального» обрамления, без всей массы реальных деталей, без ссылки рассказчика на собственные наблюдения и переживания былички просто перестают существовать — подобно тому, как рассказы древней русской летописи о самых невероятных событиях опираются на точные даты, упоминация об исторических лицах либо устные предания о происхождении или исчезновении рек, гор, озер, городов имеют в виду всегда точную географию и соотношены с историей.

Народная устная традиция рассказывания всегда — помимо «чистого» вымысла — тяготеет к вымыслу, выдававшемуся за строгую реальность, и нередко чем причудливее и фантастичнее он был, тем настойчивее его одевали в одежду достоверности и бытовой правды.

Эстетика быличек теснейшим образом связана с их историческими корнями. Былички гораздо более непосредственно, чем сказки, связаны с мифологией, с обыденными представлениями древнего коллектива об окружающем мире. В быличках преломился мир так называемой низшей мифологии: далекие наши предки верили в «хозяев» и «духов» окружающих лесов, полей, рек, дома, бани, огорода и т. д., полагали возможным устанавливать с ними отношения, обеспечивавшие людям благополучие, склонны были объяснить различные несчастия и неудачи нарушением этих отношений и вмешательством чужих сил в повседневную жизнь и пр. Былички сохраняют представления о происхождении, внешнем виде, свойствах, способностях, вредоносных или положительных возможностях этих существ, о последствиях встреч с ними. Сквозь густой слой поздней бытовой реальности в любой быличке проглядывают архаические мотивы и первоначальные мифологические связи. И в этом, конечно, их особая научная ценность.

Былички также много дают для понимания путей сложения традиции фольклорного рассказывания — искусства нарратива. Существенная особенность их сюжетики — типовой характер, повторимость. Лишь при самом поверхностном взгляде рассказы эти воспринимаются как «единичные», «исключительные» истории. На самом же деле все они оказываются вариантами устойчивых сюжетных тем, постоянно реализуемых во множестве текстов, и ге-

мы эти восходит к общеславянскому фонду и имеют параллели в фольклоре других народов. Сходство рассказов, записанных в разных местах и в разное время, подчас поразительно. Вот почему наряду с текстами рассказов большое значение представляет Указатель сюжетов, помещенный в книге. Он дает представление о наличии в сюжетике быличек определенной системы, которая лишь частично отражена в самих рассказах.

Собирание быличек в русской фольклористике, к сожалению, не носило столь широкого и систематического характера, как записывание сказок. До революции массовым записям быличек отчасти препятствовало отношение к ним со стороны церкви — всегда отрицательное. В наше время традиция рассказывания быличек почти исчезла: теперь и сказки услышать в живом исполнении непросто, а к быличкам чаще всего относятся как к пережитку. В. Зинovieв, Иркутский фольклорист, рано и безвременно ушедший из жизни, успел проделать работу исключительно трудоемкую и важную. Во многих местах Забайкалья ему удалось найти людей, сохранивших в памяти эти рассказы, убедить их в научной ценности этого материала, с большой точностью записать, систематизировать массу текстов, соотнести их с более широкой традицией русской фольклорной прозы. Тексты, подготовленные им к печати, Указатель сюжетов, содержательная статья, выразительно характеризующая этот фольклорный жанр, — все это, безусловно, представляет вклад в современную фольклористику.

Былички, собранные в этой книге, будут интересны не одним лишь специалистам. Мифологические персонажи, с которыми мы встречаемся, принадлежат не только седой старине: представления о них вошли в нашу культуру через произведения русской классической литературы, живописи, музыки, скульптуры, они давно уже утратили свои качества существ, в силу и возможности которых верят, но сохраняются как типовые поэтические образы, пришедшие из мифологической истории. Былички в наше время — это поэтические небывальщины, отчасти сохранившие следы древних представлений, отчасти же принявшие форму «фантастически-бытовых» рассказов.

Особая ценность материала, представленного в этой книге, та, что он принадлежит локальной сибирской традиции.

Б. Н. Путилов

ТЕКСТЫ

1—76. БЫЛЧКИ И БЫВАЛЬЩИНЫ О ДУХАХ ПРИРОДЫ

1—61. Л Е Ш П П

1. Я ить тоже, однако, рассказывал. В Беломестной-то, на утес-то завели его. Вот этого, Юрганова-то Николая-то тесть. Он рассказывал мне, покойник, старик. Прпехал туда, че-то разговорился. Он беломестновский. Деревня Беломестново против Знаменки, вот там он, от-туда.

Но теперь старик этот со старухой жил. У нас потом старуха эта умерла однако, Полина-то мать. Но теперь утром-то стали — но, оне тут корову держали, баран, чушек — сiali чай пить (это он все рассказывал сам мне, покойник). Старуха-то говорит:

— Дак вот, старик, сегодня пойдем, соседу-то сорок дней, сѣдни велели прийти, вчера мне говорели, сегодня пойдем вот во столько.

— Но-но!

Но пока, гыт, убрали, то-друго, время выходит. Теперь старуха:

— Но ково ты ишшо?

— Но дак надо загнать там коров, то-друго, баран... Ты иди, я приду-ка... Там, дескать, собираются же, звали — надо идти на поминки, сорок дней (тоже старик помер). Иди, старуха, я приду.

Вот таперь, значит, ну, убрал все, эту скотину, захожу домой. Вот разделся. Помылся там, одел рубаху там, че надо... почище — идти-то. А кисеты-то таки же были кожаны. Ну там самосадка... Трубку набил. Но счас покурю да и пойду туды. И шубы-то у их своедельски же, бараньи эти, из бараньих шкур. Но, спжу, гыт,

курю. Лампа горит у меня, гыт. Но вечер уж подошел: короткий же день-то.

Заходит сосед-старик:

— Здорово.

— Здорово.

— Но ты че не идешь?

— Да как вот, паря, убирал тут скотину, да сейчас вот покурю да пойду.

— Но так пойдем! Но сосед тут недалеко, ну, допустим, вот как от меня сейчас Буторин.

— Пойдем, там пть дожидают нас.

— Да как пойдем сейчас.— Но, гыт, одеюсь, шубу надел, но тут недалеко.— рукавицы-то не стал надевать я, гыт. А зима, оно холодно, короткий день.

Но, выходим. Он, гыт, вперед, этот старик. Он пшо тоже закурил со мной трубку, тоже трубку курит.

— Хорошай, дескать, у тебя табак-то!

Но, вышли. Я, гыт, на свичку надел. Не замыкал никово избу-то. Кого, тут недалеко, через два дома. Вышли и пошли. Он идет вперед. Я за ем. Идем, разговариваем. Вот плем, плем, плем... Вроде пошли на поминки. Он тоже говорит: «Пойдем...» Вышли, и он его повел. Меня, гыт, повел этот старик (да сосед!). Идем, он вперед недалеко, на таком расстоянии вот, разговариваем. Я за ем. Шубу запахнул, руки вот сюды... Но да недалеко же тут!

И он его, значит, из Беломестновки-то вывел на Нерчу, но Нерче книзу туды провел и на утес... Там есть такой, Караськп. По речке-то, по Нерче, там есть такие перекаты — утес. И на утес-то завел его.

...Я, говорит, тоже шел, шел, по и начал падать. А там обрыв подошел, вот на таком расстоянии вот. Ишо бы шаг шагнул — и туды откос, убился бы я! Но я, гыт, шел, шел... Все идем разговариваем. И я, гыт, не помню: да это такую беду идти-то! Но и падаю. Потом говорю:

— Да ты куды идешь-то, ты пошто? Я падаю, падаю! — Раз — и его не стало, этого человека-то! Я таперече — о-о! Я вон куды попал, на утес! Ишо бы шаг — и под утес! А туды метров двадцать или тридцать! Убился бы я!

Но, оттуда, гыт, кое-как слез, с этого утеса-то, развернулся, сюды иду: «Да как это что такое? Это как же?» Старик-то сосед был, а вон чё!

А старуха-то там побыла, на поминках дожидали-до-

жидали — нету. Прихошт — пзба, гыг, у меня на спичке, а меня нету.

И он в третьем или в четвертом часу оттуда кое-как пришел. Вот. Она:

— Да как ты где? — Прихожу, гыг, смотрю: заложено. Стукнул. Она выходит. — Да как ты где?

— Ой, не говори, давай скорее отлаживай!

Она, гыг, отложила, я, гыг, захожу-ка.

— Да как ты где был? Ты пошто на помпикн-то..?

— А вот я тебе сейчас расскажу-ка. — Старуха:

— Ждали-ждали тебя люди-то. Нету, нету, нету. Вот мы помянули. Я прихожу домой — пзба на спичке, а тебя нету.

— А вот я тебе сейчас расскажу. Ты когда пошла, я скотипу прибрал, загнал в стаю, все. Захожу, умылся, рубаху надел, то-друго. Трубку набил закурить. Ну, думаю, пойду сейчас, — заходит сосед. Ну че ты сидишь? Пойдем. И мы с ним пошли. А он меня воп куды увел — на утес!

— Да ты че говоришь?

— Ага. Вот оттуда я кое-как спустился. Падал, шел, гыг, немпожко, с метру осталось бы, шагнул — и под этот утес (она тоже знает его).

— Да ты че?

— Но, да как че? Вот река, спустился.. «Ой, да как мы куды с тобой идем?» — И человека-то не стало. соселато. Я, гыг, потом оглянулся, очухался: воп че! Стою над утесом, пшо бы шаг шагнул — и убился бы. И ты бы меня не нашла. Но как понять? Вот че, гыг, как получилось! Это беда! Куды уйти!

Вот, Беломестнов, старик. Он Беломестнов.

Она была, Поля-то, Беломестнова. Вот как? Сам, гыг, не знаю. Рассказывал сам мне.

2. Иван Павлыч Лопчаков — того Афанасья-то брат, которому девяносто пять лет. Вот он рассказывал.

...Там на пасху, ли че ли, гуляли. <...> Но и старуха-то пошла домой. Приходит, дверь отомкнула, лампу зажгла (тогда же лампы были), легла. Лампу не угасла, мол, старик-то сейчас придет. И он пшо поболтал у хозяйки-то. Выхожу, гыг, — тоже какой-то мужыппа, не бьяковский, а знакомый.

— Здорово, Иван Павлыч!

— Здорово, — говорю.

- Ты куда?
- Да домой. Старуха-то уже ушла.
- Но, пойдём,— гыт,— ко мне сидеть.
- Пойдем.

Он, гыт, вперед идет, а я за ём...

...Но и понер его по Борощевке-то *, десять километров увел.

...Я потом, гыт:

— О, боже мой! Мы куда это? — И этого мужика не сгало.

Я и отрезвел. Смотрю: я в лесу.

Вот тебе на тебе!

3. Так получилось дело. <...>

В тридцать восьмом году в июле месяце, перед уборочной, мне из города звонят:

— Приезжай завтра <...>

Хорошо. Я из Бянкино поехал, приезжаю на фирму. Там, как Шилку переедень, в километре и молочная фирма. Но, время уже побднс. Мне заведующий и говорит:

— Переночуй, Алексеевич.

— Да ты че? Мне завтра на исполком.

— Отцеда доедешь. Утром поране встапшь и усдешь. А то могут тебе и волки попасть...

— Да но...

— Тогда бери собаку с собой.

Но, ладно, собака за мной побежала, еду. Время было одиннадцатый-двенадцатый час. Еду. Все светло, видно все. Слжу на телеге-то, собака бежит впереди меня. Смотрю: идет человек к перекрестку-то. И мой конь как раз на перекрестке остановился. Он подходит:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте.

— Это куда дорога идет?

— На Чернишск,— я говорю.

— У вас,— говорит,— закурить есть? (Но просто как человек!) Я говорю:

— Есть.— Курпл самосад, вытаскиваю ему кпсет, бумажку-газетку, спичкп, подаю. Собака тут съела и не лает. пиче... Он закурил, подаст мне и опять спрашивает:

— Так куда все-таки эта дорога-то идет?

* Пачь.

— Так на Нерчинск. Вот,— говорю,— спуститесь здесь — будет Нижне-Ключевская фирма, а с фирмы трасса идет до самого Нерчинска.

— Ну, вот,— говорит,— покажите!

— А ково тут показывать-то?

— Покажите!

И повернулся, пошел. И я за ним следом пошел. Идем, разговариваем, он все это спрашивает... И до сейчас не могу представить, че это приключилось?! Хоть бы я пьяный, ли ково ли был? Самому-то удивительно... Вот идет, идем, идем... И он меня завел километров семь или восемь в сторону. Там поля были колхоза «Первое мая» — вот туды! Я запинаясь (по пахоте-то), а не вижу кочек. Потом говорю:

— Дак куды мы это идем?

Раз! — и человека не стало! Я теперь остановился, сяд, закурил. Да что это тако?! И человека нсту! Смотрю: а я ить вон где! <...> Но посидел, покурил, пошел. Иду, добрался: место-то знаю. Конь как стоял, так и стоит. Приезжаю на бригаду, а время-то третий час. Бригадир удивился:

— Ты, паря, че же это так?!

— Да вот како дело, так и так...

И до сейчас не могу понять, че тако?

4. А тут вот бабушка Кошкареха у нас все лечпла. Вот Петька Кошкарев. <...> Дак его мать вот, Шура. Да она вот сестра Наседчихи, Настя. Она со мной с одного году, токо она как-то уж постарела здорово. Ее «бабушка, бабушка» все, «Шура». И вот она лечпла это вот, в общем. У меня старуха тоже болела, она лечпла. Алексея — тоже вот дядька — тоже какой-то хомут ли че ли кто-то надел. <...>. И вот я прихожу, когда вот Алексей-то заболел, вечером. Она говорит:

— Не, я не пойду.

— Да ты че, Александра Андряновна? Ты че? Да сходим. Вот тако дело.

— Нет, я уж боюсь.

А потом девки-то:

— Да ты че? Это же дядя Федот. Ты че боишься-то его?

Она потом и стала рассказывать, дескать, вот какой случай был... <...> Приходит Николай Николаевич Прокудин и приглашат: